

Кирилл
ПРИВАЛОВ

КРИМИН ОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ
САМЫХ ИЗВЕСТНЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кирилл Борисович Привалов
Криминология: история самых
известных преступлений
Серия «Интересный научпоп»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69014491

*Криминология: история самых известных преступлений:
ISBN 978-5-17-154824-7*

Аннотация

Криминология: история самых известных преступлений – это книга о явлении пока что универсальном, интернациональном и вряд ли готовом в обозримой перспективе исчезнуть из современной хроники. «Кримен» по латыни означает «преступление», а криминология – это наука, которая изучает преступника, его личность, причины и следствия совершенного злодеяния. Начиная с убийства Каином его брата Авеля, автор рассказывает о самых известных преступлениях в истории человечества. О маньяках и гангстерах, садистах-рецидивистах и киллерах... О валашском господаре Владе Дракуле и анархисте Мишке-Япончике, о французской преступной банде Бонно и об американской сладкой парочке Бонни и Клайде, о русском воре Ваньке-Каине и итало-американском мафиози Лаки Лучано, о французском разбойнике Картуше и мексиканской серийной убийце Магдалене Солис... Помимо страшных судеб знаменитых

героев, читатель узнает о происхождении дактилоскопии, об известных тюрьмах и блатных песнях, о чудовищных казнях и громких полицейских операциях, о бандитских убежищах и знаменитых сыщиках – настоящих и выдуманных писателями.

Книга Кирилла Привалова – захватывающий и одновременно жуткий спектакль, сцена которого есть – целый мир, от древности до наших дней.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	21
Глава 2	43
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Кирилл Привалов

Криминология: история самых известных преступлений

© К.Б. Привалов, 2023

© Издательство АСТ, 2023

«Не воруйте, не лгите, не обманывайте друг друга».

(Ветхий завет. Лев 19:11)

«Богам не может быть угодно преступление».

Пьер Корнель, французский драматург

«Кто хочет разбогатеть в течение дня, будет повешен в течение года».

Леонардо да Винчи

«Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупреждения преступления».

Чезаре Беккари, итальянский мыслитель эпохи Просвещения

«Согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности

преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 г. Москва «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

Предисловие

Каиново проклятье

«И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Книга Бытия 4, 8). Так, согласно Святому Писанию, произошло первое убийство в истории человечества.

Моисей скупно рассказывает о том, как старший сын Адама и Евы покончил со своим младшим братом. Произошло это после того, как Каин принес в жертву Всевышнему земные плоды, а Авель – первородных ягнят. И – о ужас! – Бог принял жертву младшего брата, а дары старшего отверг. Одолеваемый ревностью и злобой, Каин заманил Авеля в поле и лишил его жизни.

В Иудее произошло то, что римляне позже назовут «кримен» (crimen) – преступление. Отсюда и определение criminalis – преступный, и многие образованные от того же латинского корня слова: криминалитет, криминология, криминалистика... Спрашивается: при чем тут латынь? Именно Древний Рим, позаимствовавший у античной Греции ее культуру, религию и философию, обозначил те взаимоотношения преступности и законодательства, которые определили в дальнейшем правовую систему Европы. Через кодексы Юлия Цезаря, Феодосия, Юстиниана, Карла Великого, На-

полеона и других – вплоть до наших времен.

Впрочем, необходимо важное уточнение.

Всем известно, что родиной того, что мы до сих пор называем «демократией», являются древние Афины. Осталось в нашем языке и выражение «драконовские меры». Но, какой «дракон» их принимал, мало кто помнит. А ведь связано это с юридическим кодексом, который определял наказание за каждый преступный акт и мог быть исполнен только судом. Человека, который написал эти законы, строгие и суровые, звали Драконт.

Именно этот афинянин, провозгласивший политическую полноправность для всех граждан полиса, – важное уточнение – способных служить на собственном иждивении в тяжеловооруженных войсках, реформировал законодательство. Драконовские (хотя, скорее, драконтовские) положения уголовного права были начертаны на каменных скрижалях (по некоторым источникам, на деревянных табличках) и выставлены на городской площади на публичное обозрение.

Драконт возглавил «политию» – народное собрание Афин – в VII веке до н. э. Он не был должностным лицом, – скажем, архонтом (правителем). Драконт являлся только лидером, зато каким! Он сумел превзойти существующее тогда государственное устройство.

В то непростое время (а когда оно было простым?) в полисе применялись устные законы, находившиеся под кон-

тролем аристократов. Однако в Афинах все увереннее заявлял о себе класс незнатных, но зажиточных граждан: торговцев, землевладельцев, мастеров ремесел, – которые начали справедливо претендовать на участие в управлении богатым городом. Драконт понимал, что правовая система в полисе могла быть легко использована аристократами в их собственных интересах, поэтому и установил в 621 году до н. э. новый кодекс законов. Уравнивающий в правах всех «истинных» граждан Афин.

«Кровью, а не чернилами были законы Драконта написаны» – скажет об этом кодексе древнегреческий политик и оратор Демад (порой эту цитату приписывают Аристотелю). Вот как пересказывает содержание этих драконовых таблиц древнегреческий писатель Плутарх:

«Драконт определил различие между убийством умышленным и убийством ненамеренным, назвал условия, при которых ненамеренное убийство признавалось ненаказуемым и допускало примирение родственников убитого с убийцей. Зато кража полевых плодов – например, капусты или яблок – наказывалась смертью, приравнивалась к святотатству, кощунству или предумышленному убийству, ибо это покушение на право собственности, основу государственности. Если же кто-то берет в долг и не отдает денег, то становится рабом заимодавца...»

Смертная казнь занимала главное место в ряду наказаний, определяемых Драконом. Когда у него спросили причину

такого сурового наказания даже за малые преступления, он ответил: «Потому что мелкие заслуживают этого, а за большие преступления у меня нет высшей меры».

Приговор к смертной казни исполнялся в Афинах тремя способами. Первый, применяемый едва ли не с первобытных времен, состоял в том, что осужденного бросали в пропасть. Эллада, как известно, – страна горная. Второй способ заключался в том, что обнаженного преступника привязывали в пустынном месте к дереву и оставляли умирать от голода, жажды, жары и холода – в зависимости от времени года. Третьим инструментом наказания был яд. Осужденного или кололи отравленным дротиком, или давали ему выпить бокал с соком болиголова. Смертью от цикуты был «награжден» знаменитый даже за пределами Аттики философ Сократ (о его казни рассказано в моей книге «Яды. Полная история», вышедшей в издательстве АСТ).

Кодекс Драконта показался потомкам слишком жестким и безжалостным. Не удивительно, что и полстолетия не прошло, как «драконовы законы» – за исключением тех, которые касаются убийств, – были отменены афинским политиком Салоном. Под его эгидой был принят другой свод законов, более умеренных и справедливых. Именно Салона правоведы стран Запада считают основателем современного права. Но и Драконт остался в памяти людей за его попытку обосновать равенство граждан перед законом.

Популярность – тяжелый груз, порой в самом прямом

смысле слова. Если верить легенде, однажды Драконт находился в театре на острове Эгина, и сторонники политика решили выразить свое одобрение его действиям. Они в традиционной греческой манере принялись бросать ему на голову свои шляпы и плащи. Вещей было столько, что под их тяжестью Драконт, человек не самый физически развитый, задохнулся и скончался на месте.

«Нравиться многим – зло» – вынес в XVIII веке вердикт немецкий классик Фридрих Шиллер. Автор драмы «Разбойники», который стал почетным гражданином революционной Франции, «подарившей» человечеству гильотину, был убежден, что со злом надо бороться силой. А разве она – не очередное зло, только в ином обличии? Примеров тому у Истории тьма. Тем более что у Драконта всего через несколько столетий – какая мелочь для вечности! – появились достойные преемники: древние римляне.

В «Законах XII таблиц», принятых в 451–450 годах до н. э. и регулировавших практически все сферы жизни древнеримского общества, подробно прописывалась специфика преступлений и наказаний. Современное понимание преступления как социально опасного деяния в «Законах XII таблиц» распространялось только на преступления против Римской республики. Все прочие преступления рассматривались в качестве деяний, наносящих вред лишь отдельному гражданину Рима. Государство – превыше всего!

Любопытная деталь: серьезность наказания зависела от

времени суток, когда было совершено преступление. Например, при совершении кражи в ночное время разрешалось в случае поимки злодея с поличным убить преступника прямо на месте. При этом учинивший расправу освобождался от уголовной ответственности. Однако, если совершающий кражу в дневное время защищается с оружием в руках, его убийство могло вызвать неприятные последствия. В таком случае «Законы XII таблиц» повелевали созывать народ для задержания преступника. Но, если вор не был пойман с поличным, на него лишь налагался штраф в двойном размере стоимости украденной вещи. Зато преднамеренный поджог, потрава поля и лжесвидетельствование карались смертью: уличенного сбрасывали с Тарпейской скалы... Казалось бы, все весьма жестко и четко. И тем не менее решение о лишении жизни римского гражданина могло быть принято только в специальной «центуриатной комиции»¹. Остается добавить: гражданином в Древнем Риме был человек, который имел право участвовать в Народном собрании, принятии законов, избрании должностных лиц. Отличие статуса гражданина в Древней Греции и в Древнем Риме состояло в том, что в Элладе граждане обладали исключительным правом на владение землей.

«Кримен» называлось у римлян противоправное деяние, которое признавалось уголовно наказуемым. Если такой акт

¹ Один из видов народного собрания в Древнем Риме, состоявшего из патрициев и плебеев, которые были способны носить оружие. Здесь и далее – *Прим. авт.*

становился фактом, следовали публичный приговор за совершенное преступление, а затем – жестокое возмездие. В римском праве мера ответственности за признанное преступление обозначалась заимствованным у греков, вечных учителей Европы, словом «роена». Оно в том или ином виде вошло практически во все романские языки, и даже долетело до нас, славян. Вспомните понятие «пеня» – штраф, неустойка, вид финансового наказания за невыполнение обязательств в срок.

Аристотель пришел к выводу, что одними из основных причин преступности являются расслоение общества и низкая культура. Это актуально и по сей день. Да и суть преступлений осталась прежней. Убийство и кража, причинение телесных повреждений и разбой, подделка документов, драгоценных металлов и валюты, поджог... Низкой культурой определялась и жестокость наказания. Например, пойманные фальшивомонетчики в Риме должны были быть заживо расплавленными, как тот самый металл, из которого они отливали поддельные монеты. Злодея подвешивали за руки над котлом с кипящим на огне металлом и медленно опускали в эту раскаленную магму человека, тело которого мучительно растворялось за несколько часов. Б-р-р-р!!!

«Виновный боится закона, невинный – судьбы», – утверждал Публилий Сир, древнеримский поэт, сам в юности бывший рабом.

Эта книга – не о законе и судьбе, а о судьбе тех, кто не

в ладах с законом. Ведь понятие «криминал», давшее название этому опусу, необычайно широкое, имеет много смыслов. Это и то, в чем есть признаки преступления. И непосредственно члены организованной преступной группировки. И вообще уголовная среда в широком смысле слова...

В «лихие девяностые» в стране бытовала грустная шутка, что в постперестроечной России «нет ничего организованнее преступности». В ту пору, по мнению некоторых экспертов, только одно государство в мире могло соперничать с нашей родиной по разгулу криминалитета. Это – только не смейтесь! – Папуа – Новая Гвинея, где банды не просто поделили все острова с вчерашними людоедами на сферы влияния и стали в стране параллельной властью, а еще и коррумпировали значительную часть чиновников недавней британской администрации. Легендарный русский этнограф Николай Миклухо-Маклай, о тропических подвигах которого в Южных морях нам проникновенно рассказывали в начальных классах советской школы, отдыхает! В пору, когда он завоевывал доверие туземцев бусами из стекла, папуасы жили еще племенами, а не бандами, как сейчас.

Кстати, на языке древних кельтов, обитавших некогда на огромном пространстве – от Карпат до Бретани, «банд» означает «связка». Из преступных «связок» выросли современные банды, многие из которых обозначили целые страны и эпохи.

Понятие «криминал» к тому же определяет сущность зло-

деяния, уголовного инцидента, любого действия, нарушающего общепринятые нормы поведения и наносящего ущерб личности или обществу. Слово «криминал» пришло к нам из Германии через Польшу и вошло в русский обиход в эпоху Петра Великого.

У самого же государя, «прорубившего окно в Европу», борьба с преступностью осталась только на словах (за исключением, пожалуй, борьбы с коррупцией, которая, несмотря на усилия Петра, все равно осталась неистребимой на российских просторах). Надо сказать, что уголовная полиция под именем Сыскного, или Разбойного, приказа существовала в России с 1619 года. Именно это учреждение худо-бедно вело борьбу с «татями» – так называли тогда всевозможный криминалитет. Слово «вор» обладало широким смыслом, им назывался любой преступник. Так, Лже-дмитрий II вошел в историю как Тушинский вор.

Приняв бразды правления в стране, «поднятой им на дыбы», Петр I в 1701 году взял и ликвидировал Сыскной приказ. Зачем? По какой причине? Остается лишь гадать... Оставил только Преображенский приказ, на основе которого была создана Тайная канцелярия. Ею управлял князь-кесарь, «верный царев пес» Федор Ромодановский, в ведении которого были исключительно дела двух «элитных» полков: Преображенского и Семеновского. Уголовной криминалистикой этот приказ не занимался. Его прерогативой были только политические прегрешения подданных: «Слово и

дело Государево!»). Произошло, казалось бы, невероятное: огромная, растущая в своих пределах страна оказалась вообще без охраны общественного порядка. А «славные дела» – вдохновенно и романтично воспетые поэтами и летописцами после смерти Петра – творились на Руси что ни на есть самые жуткие.

Великие стройки будущего императора требовали огромное количество рабочей силы. Параллельно в армию рекрутов гнали из деревень кнутами, как кандальников. Крестьяне бежали тысячами. Кто-то – за Урал, кто-то – на Волгу, в каспийские степи, а кто-то – и в разбойничьи ватаги, которые «шалили» повсюду, где были леса, чтобы в них укрыться.

Царь, увлеченный проводимыми им реформами, ввел паспортную систему с пропиской в главных городах – в Москве и в бурно строящемся Санкт-Петербурге. На стройках у крепостных крестьян, погибающих от голода, репрессий и мора в чухонских болотах, не оставалось никакого другого спасения, кроме как сбежать куда подальше и пополнить ряды уголовников, терроризирующих резко уменьшающееся в численности население. Бандитские шайки, на вооружении которых были даже пушки, порой достигали таких размеров, что могли вести бои с военными подразделениями, направляемыми воеводами и губернаторами на борьбу с ними.

Кстати, именно на местные власти была возложена Петром обязанность бороться с преступностью. Воевод это во-

все не вдохновляло на подвиги. Они, не получавшие на следственную деятельность дополнительного финансирования, должны были бороться с криминалом с помощью воинских отрядов, так называемых «команд». Ну хорошо: солдаты с бандитскими шайками в лесах как-то сражаться еще могли. Но наладить в городах и в деревнях элементарную следственную работу, скажем, расследовать преступление, допросить потенциальных свидетелей, собрать доказательную базу, они никак не умели, да и учиться полицейским премудростям не хотели. Никто в местных гарнизонах и понятия не имел, как это делается. Да и никто не освобождал военных от обязанностей, которые они должны были нести по своей непосредственной службе.

Страна, граждане которой оказались совершенно беззащитными перед криминалом, погрязла в воровстве и в каждодневном насилии. Если после ограбления обыватели во весь голос и кричали: «Караул!», в лучшем случае появлялся наряд драгун, патрулировавших окрестности. Но расследованием преступлений военные не занимались. В 1715 году Петр I наконец-то понял, что он столь опрометчиво когда-то натворил, и учредил Главную полицмейстерскую канцелярию. Но дела ее касались только Северной столицы. Дальше Санкт-Петербурга дело не пошло. Да и возглавил новую структуру вовсе не профессионал сыска, как можно бы было ожидать, а бывший царский денщик, уроженец семьи португальских евреев из Голландии Антон Мануйлович Девьер,

«птенец гнезда Петрова».

Царь лично составил памятку с обязанностями столичной полиции под названием «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру». Ни один из них не касался непосредственно следственной деятельности. В большей степени это было пособие по содержанию в порядке территории города. Полицейские должны были следить за чистотой улиц, отвечать за защиту их от возможных пожаров, за содержание каналов... И ни слова о борьбе с преступностью. Воистину: «Дело спасения утопающих – дело рук самих утопающих».

Царь приказал организовать для борьбы с преступностью «добровольные дружины» из самих жителей – каждые десять дворов выбирают десятского, над ним стоит староста, отвечающий за слободу или за улицу. Если случилось чрезвычайное происшествие – убийство, кража или ограбление, – староста обязан докладывать об этом полицмейстеру. Караульщикам из числа местных обитателей рекомендовалось для защиты от «воров иметь какое-нибудь оружие» (так выразился сам Петр) и – главное – трещотку (!), чтобы ходить с ней ночью по улицам и сигнализировать о своем присутствии.

Несколько слов о первой русской полиции. В 1720 году ее штат, помимо самого полицмейстера, состоял из десяти офицеров, двадцати унтер-офицеров и ста шестидесяти рядовых солдат. В ту пору население Санкт-Петербурга уже превышало сто двадцать тысяч... Для остальных российских городов

полицию так и не придумали. Да, чуть не забыл! Огнестрельного оружия у первых отечественных полицейских почти не было, зато в распоряжении их были шпаги и алебарды.

Грустная правда, конечно... Стране предстояло ждать полтора столетия прежде, чем обрести достойные профессиональные службы по борьбе с преступностью. Впрочем, на фоне других государств Россия не представляла собой исключения. То же происходит и сегодня. Ведь преступность была всегда и везде. Во все времена. Она – исторический феномен, одна из постоянных характеристик рода людского. И повсюду криминалитет в значительной части отражал специфику не только страны, но и – в первую очередь – общества. Если его лицо менялось, изменялась и преступность. Другими становились и методы государственного реагирования на действия криминалитета.

Эта книга – о явлении пока что универсальном, интернациональном и вряд ли готовом в обозримой перспективе исчезнуть, как тень в полдень. Пока существуют собственность и деньги, будет и преступность. Не зря сказал Чарльз Диккенс: «Деньги – драгоценный посредник мира, который столь успешно устанавливается между честным человеком и бандитом». Автор «Битвы жизни» и «Трудных времен» сказал это в середине девятнадцатого века, но за минувшие десятилетия времена вряд ли стали менее трудными, и битвы за жизнь продолжаются. Получается, что высказывание английского классика актуально и сегодня.

И все-таки будем надеяться, что завтра планета, на которой мы живем, станет лучше, добрее и совершеннее. Тогда, хочется верить, исчезнет и преступность во всех ее гнусных и безобразных проявлениях.

Неужели нет?..

Глава 1

Банда на колесах

Бандой Бонно и по сей день пугают во Франции непослушных детей. И не только потому, что Жюль Бонно с товарищами стали первыми европейскими гангстерами, ничем не уступающими в жестокости их американским коллегам. Но и потому, что они открыли новую эру в мировом преступном ремесле – автомобильную эпоху. Тогда, когда машина, уже сделавшись исключительной роскошью, еще не стала массовым средством передвижения, «банда на колесах» – так их прозвала парижская пресса начала века – наводила страх на обывателей не только точностью стрельбы и жестокостью, но и скоростью езды на лимузинах.

В дверь лачуги в Роменвилле, пригороде Парижа, постучали. Все сидевшие в тесной комнате, главным украшением которой была раскаленная чугунная печка, вздрогнули: уж не полиция ли? Виктор кивнул, и Риретт отперла замок – на пороге стоял высокий худой человек.

– Можно войти? – Он переступил порог и сощурил маленькие серые глаза от яркого света, пробивавшегося из-за заслонки печки. – Меня зовут Жюль Бонно. Я приехал из Лиона, где меня знает каждый полицейский. Мы устроили забастовку на заводе и сожгли все документы в дирекции...

Мне надо скрыться. Кроме вас, я никого в Париже не знаю.

Бонно соврал. Его преследовали не только полицейские, но и товарищи по разбоям. Дело в том, что Платано, один из анархистов-налетчиков лионской боевой группы, был найден с двумя пулями. В момент его смерти рядом никого не было – кроме Жюля Бонно. К тому же исчезли тридцать тысяч франков, бывшие при Платано. И лионские анархисты небеспочвенно заподозрили Бонно если не в работе на полицию, то как минимум в двойной игре. Не мог же «идейный экспроприатор» – он был итальянцем – застрелиться сам? Причем сразу двумя пулями?.. Бонно в отчаянной попытке спастись от мести единомышленников рванул в Париж. Да, в столице полицейских больше, но в огромном городе проще затеряться. Не говоря уже о том, что в не столь давние дни Парижской коммуны гвардейцы перестреляли далеко не всех анархистов.

А редакция боевого листка под названием «Анархия» была местом весьма своеобразным. В 1911 году здесь, у русского политэмигранта Виктора Сержа (настоящая фамилия – Кибальчич), которому едва исполнилось двадцать, и у его подруги Риретт Мэтржан собирались на огонек самые странные люди. Кибальчич, или Кибальчиш (в дальнейшем он вернется в Россию, уже советскую, откуда во второй раз сбежит как троцкист, чтобы стать на Западе известным писателем), родился в Бельгии в семье русских социалистов-эми-

грантов. В семье, где проповедовались ультралевые идеалы, гордились тем, что их дальний родственник народоволец Николай Кибальчич создал бомбу, убившую императора Александра II.

Среди авторов «Анархии» были находящийся в розыске Раймон Каллеман по кличке Ученый, который не устал требовать «экспроприации экспроприаторов», здоровяк Эдуар Каруи, вскрывающий сейфы и тратящий редкие заработки на покупку птиц, которых он потом выпускал из клетки, наивный поэт Андре Вале, прозванный за огненную шевелюру Рыжиком, юный красавец Октав Гарнье с глазами, как дуло пистолета, чахоточный, вечно мерзнувший Андре Суди по прозвищу Невезуха, бесцветный Эжен Дьедонне, единственным достоинством которого были лихие усы в форме велосипедного руля... Всех их объединяло одно – острое ощущение собственной неприкаянности в мире набравшего обороты капитализма. И тут в их пролетарской компании появился Бонно!

Жюль Бонно родился в 1876 году в горной провинции Ду, прозванной за холодный климат «северным полюсом Франции». Его отец был потомственным рабочим, и сам Жюль поначалу пошел на завод, где быстро примкнул к анархистам. Впрочем, это его увлечение длилось недолго. Бонно женился, завел дом, стал отцом. Но жена, захватив с собой ребенка, сбежала вместе с заводским приказчиком, который, оказывается, давно был ее любовником. Поначалу отчаявшийся

Жюль хотел повеситься, но, поразмыслив, понял: виновато во всем общество, которому он теперь будет мстить. Жестоко! К тому же во время одной из стачек его, ранее якшавшегося с итальянскими анархистами, внесли в черный список как «агитатора». А это все равно что волчий билет: на работу больше не устроишься. И Бонно подался на другую сторону Ла-Манша. По одной из версий, устроился личным шофером у самого Артура Конан Дойля. Мы не знаем, вдохновил ли оголтелый анархист создателя Шерлока Холмса на образ одного их героев преступного мира. Наверно, не успел, ибо затем он вернулся во Францию, в родные пенаты.

В досье, заведенном на Бонно во французской уголовной полиции, говорилось: «Бонно Жюль. Известен склонностью к насилию. Всегда вооружен. Очень опасен».

А это значит, что у Бонно, по мнению парижских анархистов, было много неоспоримых достоинств. Во-первых, он хорошо стрелял с обеих рук. Во-вторых, он умел то, что по тем временам было доступно во Франции только единицам: водил машину! На заводе «Берлие», где он когда-то работал, патрон – большой оригинал, почему-то симпатизировавший Жюлю, – обучил Бонно управлять «безлошадной каретой», как в начале века нередко называли автомобиль. И в армии, из которой Жюль демобилизовался в звании капрала, он тоже водил автомобиль. Ну а в-третьих, Жюль Бонно был недурно начитан: труды Кропоткина, Прудона и Бакунина перемешались у него в голове с декларациями знаме-

нитого французского бомбиста Равашоля.

— Нам нечего терять, а обрести мы можем все, — наставлял завсегдатаев редакции «Анархии» лионский гость. — Отбирать же надо только силой, причем неожиданно! Не бойтесь нажимать на курок первыми! Стреляем, а потом разбираемся.

Окончательно Бонно убедил своих новых друзей последовать за ним, когда пообещал, что отныне они будут ездить только на автомобиле. Каком? Конечно же — на самом дорогом, экспропрированном!

21 декабря 1911 года утро в Париже выдалось хмурым.

Месье Каби, посыльный банка «Сосьете Женераль», развозил деньги по его филиалам. Инкассаторских бронированных машин тогда и в помине не было, банкноты в кассы доставляли специальные курьеры, одетые в видную издалека ярко-голубую форму с бронзовыми пуговицами. Оружия, а тем более охраны, им не полагалось: налеты на инкассаторов бандиты во Франции тогда еще не совершали.

Ровно в 8 часов 45 минут на улице Орденер в 15 метрах от отделения «Сосьете Женераль» к банковскому посыльному, сошедшему с подножки трамвая, приблизился человек и выстрелил в упор. Потом преспокойно снял с плеча Каби сумку с государственным гербом и...

Но не тут-то было!

Курьер очнулся (видимо, пуля попала в пуговицу) и схватил преступника за ноги. Тот, однако, не растерялся и деловит

вито выпустил вторую пулю точно в спину Каби, купавшегося в луже крови. После чего пальнул пару раз над головами собравшихся зевак, сел в непонятно откуда появившийся никелированный автомобиль и умчался. Вместе с ним улетучились и ценные бумаги на 20 000 франков – сумма по тем временам немалая!

Впрочем, полицейских удивила не столько похищенная сумма, сколько то, что бандиты уехали на автомобиле. И на каком! На только что угнанном Бонно блестящем черно-зеленом «Делоне-Бельвиль» модели 1910 года. На таком лимузине в шестнадцать лошадиных сил, способном развивать скорость в 80 километров в час, ездили президент Франции, король Испании и царь Николай II. А в оснащении парижских сыщиков тогда не было ни одной машины! Только кони и велосипеды. Силы далеко не равные: грабители оказывались практически недостижимыми.

Помощь, однако, пришла жандармам совершенно неожиданно: посыльный Каби не умер. Тяжело раненный, он смог опознать стрелявшего в него. Им был двадцатидвухлетний бывший лавочник Октав Гарнье, проходящий в картотеке парижской префектуры по графе «Опасные террористы». Теперь оставалось самое трудное: найти Гарнье и его команду и арестовать их. В новогоднюю ночь полиция, имевшая богатую картотеку на анархистов, совершила налет на редакцию «Анархии» и задержала Виктора Сержа и его подругу. Но те, несмотря на усиленные допросы, отрицали свою при-

частность к ограблению. Тогда полицейские посадили за решетку тугодума Эжена Дьедонне, бывшего монмартрского коммунара, тоже никогда не входившего в ближайшее окружение Бонно.

И тут «банда на колесах» опять заявила о себе.

10 января 1912 года было совершено нападение на оружейный магазин на бульваре Осман. А через месяц с небольшим у вокзала Сен-Лазар (в одном из самых людных мест Парижа) в час пик разыгралась настоящая драма. В шесть часов вечера мощный автомобиль на сумасшедшей скорости неся по улице Амстердам, у самого вокзала он сбил женщину, но не сбавил хода, несмотря на свистки многочисленных городских. И тут трамвайная конка преградила дорогу лихачу. Один из полицейских по имени Франсуа Гарнье успел вскочить на подножку машины и тут же получил три заряда из револьвера. Машина же объехала трамвай по тротуару и рванула в сторону площади Конкорд... Свидетели вновь опознали в стрелявшем Гарнье. Фокус судьбы: полицейский Гарнье был убит бандитом-психопатом Гарнье – как раз напротив ресторана под названием «Гарнье»!

С помощью многочисленных свидетелей жандармам удалось установить личности всех, кто находился в автомобиле. И прежде всего – Бонно, сидевшего за рулем. На месте пассажира был Раймон-Ученый. Слабый ориентир для сыщиков, но все-таки ориентир.

25 марта 1912 года в восемь утра новенький «Дион-Бу-

тон» вальяжно ехал по аллее Сенарского парка в окрестностях Парижа. На одной из опушек стояли три прилично одетых человека, махавших платками. Любопытный водитель остановился и сразу попал под град пуль. Убийцы деловито выгрузили из салона труп, протерли забрызганные кровью кожаные сиденья носовыми платками и в компании еще трех товарищей, вышедших из кустов, стремительно сорвались с места. Они спешили на дело.

В Шантийи – старинном столичном пригороде – роскошный «Дион-Бутон» остановился у банка «Сосьете Женераль». Держа руки в карманах, четыре человека вошли в банк. Не говоря ни слова, они выхватили револьверы и дали залп по кассирам, один из которых был убит на месте, двое других – тяжело ранены. Побросав в сумки все, что хранилось в сейфах, – сорок четыре тысячи франков! – грабители вышли на улицу, где на шум уже собралась толпа любопытных. И тогда тщедушный человечек, остававшийся в автомобиле (это был Суди-Невезуха), выхватил охотничий карабин и принялся стрелять в скопище зевак!

Несколько человек рухнули на землю, остальные, топчя раненых, бросились в разные стороны... Бандиты же уехали на автомобиле, который был найден в тот же день в водах Сены.

Открыв утренние газеты, французы увидели зубодробительный заголовок на первых полосах: «Самая ужасная страница в истории преступлений!» Граждане Третьей респуб-

лики мгновенно осознали, что могут сказать: прощай, эпоха грабителей-ремесленников! Наступила эра вооруженных до зубов налетчиков на автомобилях. Президент государственного совета потребовал к себе на ковер Ксавье Гишара, шефа «Сюрте» – криминальной полиции Франции:

– Даю вам ровно месяц на арест негодяев! Если этого не произойдет – ответите лично!

И началась национальная охота на банду Бонно, представляемую журналистам как «банда Дьедонне»! Первым арестовали Суди – и впрямь Невезуха! Затем в ловушку попали Каруи – на него донес осведомитель – и Раймон-Ученый, которого выдала жандармам любовница по прозвищу Красная Венера (кстати, бывшая ранее подругой Дьедонне). Любопытная деталь: в преследовании Бонно и его товарищей участвовали не только службы охраны порядка, но и – без преувеличения! – все французы. Участие, надо заметить, во все не филантропическое: «Сосьете Женераль» после нападения на банк в Шантийи объявил премию в 50 000 франков любому, кто поможет обезвредить банду Бонно. И тем не менее сам Жюль Бонно, а также Гарнье и Рыжик-Вале продолжали оставаться на свободе.

Но вот Луи Жуэну, второму человеку в «Сюрте», доложили, что Бонно скрывается в Иври, пригороде Парижа, на чердаке у старьевщика по фамилии Гази (и снова донес осведомитель). Для честолобивого Жуэна это был редкий шанс утереть нос своему начальнику Гишару, и он решил сам ру-

ководить операцией. Ночью четыре лучших инспектора полиции нагрянули в Иври. Осмотрели огромный дом сверху донизу, однако ничего подозрительного не обнаружили. Когда под самой крышей Жуэн открыл маленькую дверь, то сперва не увидел ничего тревожного. И тут грянул выстрел. Бонно, спрятавшийся за грудой ветоши, стрелял без промаха. Первую пулю он всадил Жуэну прямо в лоб, второй тяжело ранил инспектора Кольмара, шедшего следом. Другим сыщикам, заблокированным в узком проходе телами товарищей, приходилось стрелять наугад. А Бонно в это время через дыру в стене выбрался на крышу, перелез на соседний дом, где приставил ко лбу горничной револьвер и прошипел: – Быстро доставай из шкафа постельное белье!

Та, окаменевшая от ужаса, подчинилась. И тогда в одно мгновение истекающий кровью анархист – он поранился при бегстве о стекло – связал из простыней веревку и спустился по ней на улицу.

После того, как хладнокровно был убит полицейский республики номер два, на охоту за Бонно была брошена целая армия. В прямом смысле слова. На рассвете 29 апреля (вновь по наводке осведомителя) полицейские и солдаты обложили «Красное гнездо», так назывался дом миллионера-анархиста – бывало и такое! – Альфреда Пьера Фромантена в Шуази-ле-Руа, пригороде столицы. Сам же владелец дома, начитавшийся трудов Бакунина и Кропоткина, пребывал в Бразилии. А гараж его особняка арендовал некто Дюбуа, он и

предоставил кров Бонно.

Блюстители порядка, уже наученные горьким опытом, серьезно подготовились к встрече с бандитом. Они привлекли к операции по его аресту даже зуавов, колониальных стрелков с их пулеметом «Гочкисс». Жандармы первыми открыли огонь и уложили на месте Дюбуа. Но, когда они проникли непосредственно в гараж, случилось непредвиденное: кто-то, укрывшийся на втором этаже, снайперски стал вести огонь нападавшим в спину. Он постоянно менял позицию, оставаясь неуловимым для пуль полиции.

Кровавый спектакль затянулся. На улицах, прилегавших к «Красному гнезду», расположились неизбывные французские зеваки. Целыми семьями буржуа, прихватив с собой домочадцев, с вином и закуской собрались смотреть на зрелище. Как в кафе расставили стулья, лавки, столы...

Потеряв несколько человек, военные отступили и пошли в атаку снова только после того, как на поле брани появился сам Луи Лепин, всесильный префект Парижа. С ним был отряд рес-публиканских гвардейцев и специалистов-подрывников. Специальной депешей Гишар, шеф «Сюрте», приказал обложить гараж динамитом и взорвать. Увы, первый сапер, поползший с зарядом к дому, был убит. Таким искусным стрелком мог быть только Жюль Бонно. И тут в оконном проеме появился он сам – со скорострельным револьвером в каждой руке! Бонно с удивительной точностью вел огонь одновременно с двух рук, появляясь то в одном окне,

то в другом. Успевал изрыгать ругательства в адрес властей, хохотал, как черт, и с двух рук поливал военных свинцом.

Пока специалисты закладывали взрывчатку, образовалось затишье, которое Бонно, чувствуящий близкий конец, решил использовать для составления своего духовного завещания. «Я знаменит. Меня должны ревновать те, кто из кожи вон лезет, но никак не добьется того, чтобы о них говорили, – написал анархист. – Я отлично обошелся бы и без такой славы. Возможно, я испытываю сожаления, но, если бы надо было продолжить, я продолжил бы. Я хочу жить своей жизнью, я имею право жить. Каждый имеет право жить. Если ваше идиотское и преступное общество смеет отказывать мне в этом, тем хуже для него, тем хуже для всех вас. Я не понят обществом!»

Пока бандит сочинял свое последнее послание, к дому подкатили тележку со взрывчаткой. Только с третьей попытки удалось заложить динамит, и дом, наконец, взлетел на воздух. Но даже после взрыва Бонно, чтобы защититься, сумевший завернуться в матрасы, продолжал сопротивление. Он успел написать кровью на стене: «Дьедонне невиновен». Когда же полицейские окружили первого французского гангстера, он попытался застрелиться, но в барабане его револьвера уже не было патронов. «Сволочи!» – только и крикнул Бонно в отчаянии. Он умер через полчаса по дороге в госпиталь. Осмотрев его тело, изрешеченное пулями, врачи лишь развели руками: «Как он вообще оставался жив так долго с

подобными ранами?!»

Жюль Бонно был мертв, однако жандармам еще оставалось уничтожить Гарнье и Вале.

Полиции повезло: 13 мая 1912 года в «Сюрте» поступило сообщение, что в маленьком домике в Ножан-сюр-Марн сняли комнату два человека. В город они выходили только ночью, что и вызвало подозрение. Было установлено наблюдение, и в квартирантах без труда опознали Гарнье и Вале-Рыжика. Префект Лепин бросил в атаку пятьдесят инспекторов полиции, пулеметную роту зуавов и... несколько артиллерийских орудий! Целый день по всем правилам ведения батальей продолжалась осада. Французы выходили из театров и кафешантанов и, узнав о событиях в Ножан-сюр-Марн, кидались в парижский пригород, чтобы посмотреть на настоящее шоу. Только глубокой ночью, после того как к проклятому дому подогнали мощные прожекторы, ослепившие бандитов, с ними удалось покончить. Когда же полицейские стали выносить из развалин трупы, толпа бросилась к телам и мгновенно разорвала одежду гангстеров на сувениры.

Суд над анархистами начался 3 февраля 1913 года и длился двадцать пять дней.

На скамье подсудимых вместе с оставшимися в живых двадцатью членами банды Бонно оказались также Виктор Серж и Риретт Мэтржан по прозвищу Хохотушка. Парадоксально, но факт: вконец запутавшиеся следователи именно ее поначалу объявили «главным идеологом» грабителей!

Это было настолько дико, что суд присяжных оправдал подругу Виктора Сержа. Сам же русский анархист был приговорен к пяти годам тюрьмы. Позднее по инициативе Льва Троцкого его обменяют на французского офицера, арестованного ВЧК, и Серж-Кибальчич примет активное участие в русской революции, а затем сам окажется для сталинского режима «врагом народа».

Гораздо безжалостнее судьба обошлась с Каруи. Здоровяк-романтик не принимал непосредственного участия в «экспроприациях», но все равно ему присудили пожизненное заключение. Каруи предпочел наложить на себя руки в тюремной камере: отравился цианидом, который пронес с собой в полом каблуке.

Четверых обвиняемых присяжные заседатели оправдали, а десять человек получили от одного до десяти лет тюрьмы. Всех остальных, включая ни в чем не повинного Дьедонне, приговорили к казни на гильотине. (Позднее, под давлением прессы, особым решением президента Франции смертную казнь Дьедонне заменили пожизненной каторгой, но он с третьей попытки сбежит из «ГУЛАГа» Гвианы в 1927 году.)

Исполнение приговора состоялось 21 апреля. Все было как всегда: конвой республиканских гвардейцев, пара сотен праздных зевак... Идя на плаху, Раймон-Ученый (в знаменитом фильме Филиппа Фурастье «Банда Бонно» его играет великий бельгиец Жак Брель) остановился перед замерши-

ми в ожидании острых впечатлений обывателями и брезгливо бросил им:

– Не правда ли, это удивительно приятно – наблюдать за agonией человека?

ДАКТИЛОСКОПИЯ

«Помой собственный палец, прежде чем указывать на мои пятна», – поучал потомков мудрый американец Бенджамин Франклин, ученый, политик и масон. Он сказал это в конце восемнадцатого века, когда люди еще не догадывались о том, какой мощной уликой способен стать обыкновенный палец, без разницы – мытый он или нет. Главное, чтобы остался отпечаток.

В истории человечества немало историй, когда одно изобретение вытесняет другое. И, если эта метаморфоза происходит на глазах первооткрывателя, может случиться его личная трагедия. Так, Альфонс Бертильон, один из отцов криминалистики, создатель методов, получивших его имя – бертильонаж, до последнего своего дыхания упорно не хотел признавать достоинств дактилоскопии. Надо сказать – не без причины. Ведь все яростные исследователи «языка» отпечатков пальцев были когда-то поклонниками бертильонажа, или антропометрии, но только эти нетрафаретные люди пошли гораздо дальше своего предшественника.

Существует загадочный закон: многие великие открытия происходят практически одновременно и в разных странах. Пример тому – дактилоскопия:

способ опознавания человека по следам отпечатков пальцев, основанный на неповторимости рисунка папиллярных линий кожи. На уникальную специфику узоров на подушечках обращали внимание еще древние кельты, чьи друиды и барды были великими носителями знаний о материи. Об этом свидетельствуют артефакты более чем двухтысячелетней давности, найденные во французской Бретани. И в последующие времена люди верили в мистический характер отпечатков пальцев. На протяжении столетий пальцем «опечатывали» важные документы в самых разных странах: в Китае и России, Корее и Индии... И не всегда потому, что не умели писать. Был важен «след прикосновения» как единственный и неповторимый «знак» тела.

Страницы истории

Первым научным трудом, в котором сделали попытку описать и классифицировать узоры кожи на пальцах, была написанная на латыни (!) сразу после наполеоновских войн монография чеха Яна Пуркинье «К вопросу об исследовании физиологии органа зрения и кожного покрова человека». Эту необычную книгу, да еще и написанную на малодоступном языке монахов и ученых, заметили лишь специалисты-анатомы. А первый шаг на пути к конкретной классификации, практической, сделал тоже славянин: хорват Иван Вучетич. Уехавший из Австро-Венгрии в Аргентину, он стал Хуаном Вучетичем, полицейским чиновником в Буэнос-Айресе. В 1891 году он разработал первый

вариант десятипальцевой системы классификации дактилоскопических отпечатков. Через год «метод Вучетича» начал применяться при ведении следствий в некоторых странах Латинской Америки. Но, как это часто бывает в современном мире, в общественном сознании усилиями масс-медиа твердо закрепилось представление о первенстве англосаксов в этой сфере.

Впрочем, нельзя не отдать должное британцам. Не лондонским полицейским, а служащим колониальной администрации в Индии. 5 августа 1877 года в городе Хугли, что в Западной Бенгалии, Уильям Гершель, чиновник правоохранительного управления, написал письмо, направленное генеральному инспектору местных тюрем:

«С этим письмом я посылаю вам свою работу о новом методе идентификации личности. Она заключается в отпечатках указательного и среднего пальцев правой руки с использованием обычной штемпельной краски. Способ получения такого отпечатка едва ли труднее получения обычного штемпеля. Я проверял этот способ в течение нескольких месяцев на заключенных, а также при выплате жалований и практически не столкнулся ни с какими трудностями. У всех лиц, получающих в Хугли официальный документ, берут отпечатки пальцев. Еще никто не противился этому. Я думаю, что можно положить конец всякому жульничеству при идентификации, если ввести этот способ повсюду. За последние двадцать лет я изготовил тысячи карточек с

отпечатками пальцев и теперь почти всегда могу на их основе идентифицировать личность...»

Трудно теперь судить, от чего отталкивался Гершель, когда начинал интересоваться тем, что потом назовут дактилоскопией. Возможно, он, прослужив уже два десятка лет в индийских колониях, видел, как китайские торговцы скрепляют свои сделки на бумаге отпечатком большого пальца. А может, он узнал, что китайцы, живущие в Бенгалии, удостоверяют разводы отпечатком руки супруга и снимают оттиски пальцев у детей-подкидышей в сиротских домах?.. Нам без разницы. Ведь инспектор тюрем к предложению чиновника-оригинала не только не прислушался, но и высмеял Гершеля как амбициозного чудака.

Однако его эксперименты, проводимые полтора десятка лет, не пропали бесследно. Краем уха о них услышал генеральный инспектор индийско-британской полиции Бенгалии Эдвард Генри. Впрочем, этот британский офицер параллельно с Гершелем пришел к мысли о продуктивности метода снятия отпечатков пальцев. К тому же он прочел изданную в 1893 году в Англии книгу Френсиса Гальтона «Отпечатки пальцев». Профессор Гальтон собрал огромную коллекцию отпечатков пальцев и на практике убедился, что отпечатки десяти пальцев одного человека не совпадают с отпечатками другого. На основании математических вычислений получалось, что один палец одного человека может оказаться идентичным пальцу другого человека в отношении 1:4. Если же

брать отпечатки всех десяти пальцев, то получалась сумасшедшая вероятность – 1: 64 000 000 000. Иными словами, совпадение отпечатков пальцев двух людей категорически невозможно. Но, если заменять бертильонаж, принятый во всех следственных органах Европы и Америки, снятием отпечатков пальцев, надо срочно думать об их каталогизации. В первую очередь этим и озаботился педантичный Генри.

Легенда рассказывает, что идея классификации папиллярных узоров родилась во время его путешествия в поезде, идущем в Калькутту. У генерального инспектора колониальной полиции в Бенгалии не оказалось с собой бумаги, и он записал свое открытие на накрахмаленной манжете левой руки. Генри установил пять видов основных рисунков и дал точную характеристику каждому из них. В каждом отпечатке пальца можно определить, пришел к выводу Генри, два типа признаков, глобальные и локальные. Глобальные признаки – те, которые можно увидеть невооруженным глазом. А локальные? Это уже для специалистов...

Для овладения методом дактилоскопии многого не требовалось, нужны были лишь увеличительное стекло, обычная швейная игла и внимание. Ведь на рисунках кожи пальцев имелись простые дуги, дуги, похожие на ели – то есть повернутые в сторону мизинца, – завихрения и радиальные петли, обращенные в сторону предплечья... Рисунки обозначались формулами с буквами (это начал делать в Аргентине еще Вучетич).

Область узора – выделенный фрагмент отпечатка, в котором локализованы все глобальные признаки. А еще ядро или центр – точка, локализованная в середине отпечатка или некоторой выделенной области. Потом шло подразделение рисунков по группам, что являлось основой регистрации. Также профессор Гальтон определил, что основой классификации рисунков является фигура, похожая на треугольник. Эта дельта образовывалась или раздвоением одной-единственной папиллярной линии, или двумя расходящимися линиями. Тут Генри установил своеобразные отправные точки, которые он назвал «внешними пределами».

Отсюда начинается самое главное. Если соединить точку внутреннего предела с точкой внешнего предела одной линией и после этого подсчитать папиллярные линии, которые пересекает эта прямая, то число их будет различно. На основании этого и формируются подгруппы, которые можно условно обозначить цифрами. Эти цифры вместе с буквами для обозначения рисунка и образуют формулу, позволяющую классифицировать карточки с отпечатками.

Генри был абсолютно уверен в справедливости своего метода и обратился к британскому генерал-губернатору Индии с просьбой назначить нейтральную комиссию для замены бертильонажа дактилоскопией. 29 марта 1897 года такая комиссия собралась в Калькутте и дала весьма положительный отзыв о новом методе:

«Рассмотрев антропометрическую систему и ее ошибки, мы так же тщательно изучили систему дактилоскопирования. Первое, что бросилось нам в глаза, – это простота снятия отпечатков пальцев и их четкость. Не требуются ни инструменты, ни специально обученные люди. Затем нам объяснили созданный мистером Генри метод классификации. Он так прост, что мы смогли легко и уверенно найти оригиналы самых трудных карточек. Случай, казавшийся особенно трудным из-за нечетких отпечатков, удалось решить за две минуты...»

Уже через три месяца после вердикта комиссии генерал-губернатор отменил бертильонаж в пользу дактилоскопии во всей Британской Индии. Но за пределами Индостана о прогрессивных преобразованиях в Бенгалии никто не знал. Потребовались три года, чтобы в Британии, переживавшей последствия англо-бурской войны и охваченной забастовками, начали модернизировать Скотланд-Ярд. Генри выступил перед комиссией под руководством лорда Бельпера и произвел фурор. С ноября 1900 года антропометрия была заменена в королевстве дактилоскопией. Министр внутренних дел назначил Генри заместителем президента полиции Лондона и шефом криминальной полиции. За один лишь год дактилоскопический отдел идентифицировал 1722 рецидивистов. Это было в четыре раза больше самых лучших результатов бертильонажа, теперь навсегда ушедшего в историю.

Как воскликнет в ужасе один из английских рецидивистов, которого арестовали и моментально опознали с помощью дактилоскопии в ходе очередной облавы полиции:

– Чертовы отпечатки пальцев! Я так и знал, что они меня выдадут...

Глава 2

Дракула – придуманный и настоящий

Жестокие времена рожают жестоких героев. Но были ли они таковыми на самом деле? Образ Влада Цепеша, или Дракулы, правителя Валахии – области, расположенной на юге современной Румынии, – так массово был растиражирован в книгах и в кино за последнее столетие, что уже трудно понять, где тут вымысел, а где правда. Попытаемся разобраться вместе.

Только фильмов о Дракуле было снято более 270, из них 155 – полнометражные. Большинство из них так или иначе привязано к роману англичанина Брэма Стокера, написанному в 1897 году и впервые изданному на русском в Санкт-Петербурге в 1913 году. Роман этот, названный критиками «библией вампиров», прекрасен до мурашек. Научная фантастика смешивается в нем с невероятной готикой ужасов, мистика сменяется живописным описанием быта и подлинной реальностью... Широкую известность образа Дракулы увеличил и голливудский блокбастер режиссера Фрэнсиса Форда Копполы с Гэри Олдманом в роли графа-маньяка. Но к историческим событиям и к самому персонажу Влада III это увлекательное повествование имеет самое поверхност-

ное отношение. Не говоря уже о том, что Дракула никогда не превращался ни в туман, ни в стаю мышей, да и по стенам, как ящерица, никогда не ползал. Он просто был человеком своего времени. Правда – маниакально жестоким и, если верить современникам Дракулы, с... задатками вампира!

Подлинная дата появления на свет Влада Цепеша, он же – Дракула, не установлена. Предполагается, что наш герой был рожден где-то между 1429 и 1431-м. По национальности – румын. Это важное уточнение, ибо Трансильвания – так еще называли Валахию – была страной многонациональной. Там, помимо румын, жили и немцы-саксонцы, и карпатские венгры-секеи, и молдаване, и русины-славяне... Династия Басарабов, к которой принадлежал Влад, была наизнатнейшей на Карпатах и правила в Валахии, формально входящей в состав Венгерского королевства. Отец будущего героя литературы и кино, граф Влад II, воевал все время – то с турками, то с венграми, а то и с собственной родней. Впрочем, ни одна правящая династия в Европе той поры не рождалась без массового пролития крови и коллективных смертей.

Как огромная раковая опухоль, исламская Турция расплзалась по Балканам. В 1453 году султан Мехмет II взял Константинополь. А за десять с небольшим лет до этого Влад II, правитель Валахии, был приглашен в Эдирне, тогдашнюю столицу османов, как член венгерского посольства, приехавший для заключения с ними перемирия. Султан Мурад II,

подчинивший себе Тран-сильванию, желал быть уверенным в преданности валашского дворянина и потребовал от румына «аманата». По-мусульмански: залога, материального подтверждения заключенного договора о мире. Султан настоял на том, чтобы к его двору приехали сыновья графа – Влад, которому было около пятнадцати, и его младший брат Раду, примерно шести лет. Им было суждено остаться у османов в заложниках. Делать было нечего. И Влад II вынужден был подчиниться.

Юный Влад провел заложником у турок около четырех лет. В разных исторических источниках существуют весьма противоречивые данные об этих годах. Я думаю, очевидно одно. Пребывание румына у османов не было тюрьмой, его обучали наукам, философии, искусству. Это не была жизнь в клетке, но все равно она была тяжелым психологическим испытанием: ведь малейшее недовольство султана Валахией – и молодой человек рисковал своей головой. Все эти годы ангел смерти витал над Владом, задевая его макушку своими крыльями. Турки предпринимали все, чтобы уstrateшить знатного румына, ожесточить его сердце: делали его участником показательных казней, водили по камерам, где мучились мятежники, показывали, как османы расправляются с неверными женами... Все это Влад запомнил на долгие годы, а также немало узнал и об организации империи, о ее армии, да и сам сделался опытным воином-всадником. Многие из этого потом пригодилось в борьбе за власть Дракуле.

Кстати, откуда это странно звучащее слово?

Прозвище «Дракул» досталось Владу от его отца, Влада II, служившего командующим пограничными войсками и охранявшего проходы через Валахию. По-румынски это означает «дракон» или «дьявол». Первое – ближе к истине. Ибо Влад был принят в братство Ордена Дракона, созданное в самом начале пятнадцатого века Сигизмундом I, королем Венгрии, ставшим затем императором Священной Римской империи. Орден был основан этим последним императором из дома Люксембургов для защиты католической церкви от еретиков, мусульман и язычников. В качестве образца для нового рыцарского общества был взят ранее учрежденный Орден Святого Георгия. Правда, от Святого Георгия-Победоносца на гербе нового Ордена остался лишь дракон. Его, свернувшегося в кольцо и обремененного червлёным крестом, и взяли за символ королевского рыцарского общества. Став господарем Валахии в 1436 году, Влад II запретил хождение в Валахии венгерских монет и начал чеканить собственные деньги с изображением этого самого дракона.

Дракула с буквой «а» на конце, с подачи некоторых исследователей, означает «сын дракона». Кто-то видит в этом словообразовании славянские корни, кто-то – немецкие... Я не буду заниматься филологическими исследованиями. Важно другое: в ноябре 1447 года могущественный правитель Венгрии Янош Хуньяди совершает поход в Валахию и свергает отца Дракулы, которого посчитал слишком незави-

симым. Графу Владу II отрубили голову, а его старшего сына Мирчу – их разделяют с будущим Дракулой тринадцать лет – зарыли живьем в землю. Султан, разбивший огромную армию Хуньяди во Втором сражении на Косовом поле, смещает с поста воеводы Валахии венгерского ставленника Владислава и меняет его на Дракулу, который становится господарем Владом III.

Вот как в «Записках янычара» Константин Михайлович из Островице, серб, попавший в плен к туркам и служивший в их армии (некоторые исследователи считают автора вымышленным лицом), описывает превращение Дракулы в валашского князя:

«Султан одарил его деньгами, конями, одеждами, великолепными шатрами, которые подобает иметь господарю, и как можно скорее отправил в Валашскую землю, чтобы он правил вместо своего отца... Младшего же его брата он оставил при дворе».

И тут начинается самое чудовищное, ведь османские уроки жестокости не прошли зря! Определяется садистский почерк Влада Дракулы. Едва прибыв в валашскую столицу Тырговиште, новый воевода принимается расследовать подробности гибели своего отца и узнает, что многие бояре, верные Владу II, предали его и выдали венграм. Дракула все запоминает, но не спешит действовать. Месть должна быть холодной, а остыть от гнева Влад не успевает. Венгры объявляют его власть нелегитимной, посылают против него свою

армию и смещают графа. Шесть лет Дракула скрывается с несколькими самыми близкими ему воинами в Молдавии и в горном саксонском Семиградье. И возвращается домой только после того, как узнает о смерти от «морового поветрия» своего «заклятого друга» Яноша Хуньяди.

Единственное описание Влада III Цепеша, дошедшее до наших дней, принадлежит хорватскому епископу Никколо Модруссе:

«...Небольшого роста, но крепкого телосложения. Тонкое и красноватое лицо. Зеленые глаза с холодным взглядом, обрамлены очень густыми и черными ресницами, что придавало ему ужасающий вид. Большой орлиный нос с широкими ноздрями. Носил усы. Широкие виски увеличивали ширину лба. Шея быка. Черные локоны волос спускались на широкие скулы».

Согласитесь, не очень-то похоже на Дракулу в исполнении тонкого и чувствительного Гэри Олдмана в картине Копполы...

Второе свое правление в Валахии Дракула начинает с того, что приглашает самых знатных людей страны отметить вместе с ним светлый праздник Пасхи. Закатывает для бояр пир горой! А между первой и второй чаркой в спину каждого из званых вельмож вонзают кинжалы. Месть Дракулы румынам, которые – по его мнению – хотели сдать его венграм, ужасна: следом за боярами он казнит тысячи человек. Некоторые историки называют цифру в двадцать тысяч! Предате-

лей – таковыми считает большинство своих подданных Дракула – показательно сажают на кол. Такую казнь он не раз видел в Турции, когда османы расправлялись с мятежниками и с чешскими и немецкими наемниками из разбитой венгерской армии. В Эдирне, столице турок, Влад даже участвовал в этих жутких церемониях. И делал это с удовольствием. Неспроста османы прозвали его Казыклы, что переводится Колосажатель. Валахи же после массовой казни в Тырговиште дали Дракуле, по сути, ту же самую кличку – Цепеш: от румынского «цэпа», что означает кол.

И в дальнейшем Дракула нередко прибегает к этой любимой им казни. У него, православного христианина, на протяжении большей части жизни вообще присутствует весьма кровожадное представление о морали. Он способен ограбить саксонских купцов из их карпатской столицы Брашова, приехавших торговать в Валахию. Отобрать их деньги, товар и посадить несчастных на кол. Есть и письменное свидетельство о том, что Дракула расправился с тремя сотнями немецких юношей, прибывших в Валахию изучать румынский язык. Часть молодых людей сжег живьем, а часть – посадил на кол по уже сложившейся традиции. Особый кол, подготовленный по его указаниям: толстый и округлый сверху, к тому же намазанный маслом. Так умирать медленнее. Такой кол не пронзал жизненно важные органы, а лишь входил все глубже в тело, протяжно убивая жертву перитонитом.

Разбив в бою одного из своих соперников на трон, венгерского ставленника, Дракула даже мертвых его воинов сажает на кол. Без жалости истребляет цыган, которых вообще не считает за людей. Особо жестоко расправляется Влад Цепеш с проститутками, сопровождавшими армии его врагов (практически до начала девятнадцатого столетия такие толпы шли следом за армиями воюющих стран Европы). Вот как повествует об этих расправах немецкий поэт-мейстерзингер² Михаэль Бехайм, современник Дракулы, в поэме «О злодее, который звался Дракул и был воеводой Валахии».

Его повадки таковы:
людей в колодцы и во рвы
бросал с высоких башен.
Он руки-ноги отрубал,
и расчлененный погибал.
Был воевода страшен.
И в злобе сатанинской
казнил он всех его родных,
младенцев отрывал грудных
от нежной материнской
груди, хоть были хороши
младенцы в ласковой тиши,
но маленький ребенок

² «Мастера-певцы», от нем. Meister («мастер»), и нем. Singer («певец») – немецкие поэты-музыканты из бюргерского сословия, объединившиеся по ремесленно-цеховому принципу в литературно-певческие общества (школы). Расцвет мейстерзанга пришелся на XVI век.

нередко с матерью страдал
и с нею на кол попадал:
кровь капала с пеленок,
и дьявольской сноровки
порой хватало, чтоб злодей
взамен отрезанных грудей
клал детские головки.
Младенцев жарил он, шутя,
чтоб ела мать свое дитя;
он скрашивал досуги
свои, когда, вселяя жуть,
есть заставлял он мужа грудь
еще живой супруги³.

Дракула воевал против всех и вся. Сначала – против венгров, затем – против турок, саксонцев, молдаван, поляков... Страдания других возбуждали его и придавали ему немеренные силы. Он готов был пить чашами кровь своих врагов. В анонимной итальянской хронике «Потомки дома Оттоманского» рассказывается, что в ходе одного из своих задунайских походов Влад Цепеш из восемнадцати тысяч противостоявших ему турок утопил и изрубил десять тысяч воинов. А взятых в плен османов Дракула посадил на кол.

Вот что говорится о Владе Цепеше в «Сказании о Дракуле». Этот документ, существующий в двадцати разных спис-

³ Оригинальное название: Von einem Wüterich, der hieß Fürst Dracula aus der Walachei. Поэма, 1456 год. По изд.: Стокер Б. Дракула – М.: Энигма, 2005. Перевод В. Микушевича

ках, приписывают – по одной из гипотез – русскому послу в Венгрии и в Молдавии дьяку Федору Курицыну. Он возглавлял в 1482–1484 годах русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану Великому. Вот один из красноречивых эпизодов этой летописи, составленной из жестоких исторических анекдотов про Дракулу.

«...Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает».

Царь был очень разгневан этим, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Дракула же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил множество врагов. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину

– того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а баба!» А когда снова двинулся против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы»⁴.

Подобные жестокости творились в истории, признаем, не раз и в самых разных концах земли: в Мексике и в Древнем Риме, в Золотой Орде и на Британских островах... Дракула вовсе не был персонажем исключительным, сумасшедшим маньяком и садис-том. В каждой стране существовали свои, похожие на Влада Цепеша, антигерои. Да и тактика «выжженной земли», к которой прибегал Дракула в борьбе с врагами, тоже была известна повсюду. Но далеко не каждому из этих страшных людей столь «повезло», как Дракуле, который обрел мировую известность благодаря Брэму Стокеру.

Большинство исследователей его творчества убеждены, что писатель узнал о Владе Цепеше от востоковеда Арминия Вамбери. Этот венгерский еврей достоин отдельного повествования (прекрасный советский писатель Николай Тихонов написал о нем романтическую повесть «Вамбери»). Выдающийся этнограф-лингвист и профессиональный авантюрист, Вамбери (после его смерти выяснилось, что он был секрет-

⁴ Изборник (сборник произведений литературы древней Руси). – М.: Художественная литература, 1969. Подготовка текста «Сказания о Дракуле» и примечания Я. С. Лурье, перевод О. В. Творогова.

ным агентом британской разведки) много путешествовал по миру – был, в частности, первым европейцем, тайно посетившим Мекку и Медину, святые города магометян, – и отлично знал Валахию и соседние с нею земли. Оказавшись в Лондоне, он и рассказал в 1890 году Брэму Стокеру о Дракуле. Ученый пришел к писателю в театр «Лицеум», где работал Стокер. После спектакля состоялся ужин, во время которого Брэм Стокер и услышал о Дракуле, одно лишь прозвище которого уже привело его в восторг.

...Единой версии о смерти Дракулы не существует. Одни средневековые историки утверждают, будто Влад Цепеш был убит собственным слугой, подкупленным турками. Другие – что ему отомстил свергнутый им с помощью венгров валахский господарь Лайота Басараб. Третьи повествуют, что Дракулу сразили в бою не простившие ему издевательства жители Валахии, куда граф вернулся после скитаний вдали от родины. Бояре, не помнящие себя от гнева, разрубили тело мертвого воеводы на куски, которые кинули собакам, а голову его отправили османскому султану. Лишь католические монахи, помнившие, что незадолго до смерти Дракула сделался католиком, предали останки диктатора земле. Много веков спустя потомки решатся вскрыть так называемую «могилу Дракулы». Там не найдут ничего кроме средневекового мусора.

Эта незавершенность истории о Дракуле продолжает подпитывать всевозможный интерес к нему. Он, дескать, не нашел себе покоя ни на земле, ни на небе. А дух его, мятежный

и по-прежнему жаждущий крови, принял новое обличие – вечного вампира!

Сегодня Дракула – культовый герой Румынии, столь любимый коммунистическим диктатором Николае Чаушеску. Влад Цепеш жив в памятниках, названиях улиц, в песнях рок-музыкантов и в бульварных романах...

Так называемый Замок Дракулы в горах Трансильвании собирает каждый год многотысячные толпы туристов. Этот старый дом, стоящий в туманном ущелье, и сегодня наполняет сердце тоской и нагоняет неизвестный страх... Но все дело в том, что сам кровавый граф никогда туда даже ногой не ступал. Это не удивительно. Ведь граф Дракула – призрак. Значит, в равной степени призрачно и все, что связано с ним.

Заметки на полях

*На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...*

Это слова Александра Пушкина из его пессимистических стихов 1827 года, написанных после разгрома декабристов.

Посаждение на кол – один из самых древних видов казни. Приговоренного к смерти насаживали на заостренный кол. В большинстве случаев жертву буквально надевали на заточенный кол на земле, в горизонтальном положении, а потом кол поднимали. Иногда жертву насаживали и на уже поставленный вертикально кол.

Так убивали еще в Древнем Египте и на Ближнем Востоке в начале II тысячелетия до н. э. Особое распространение казнь получила в Ассирии, где посадение на кол было самым частым наказанием для жителей взбунтовавшихся городов, поэтому в воспитательных целях сцены этой казни часто изображались на барельефах. На ассирийских рельефах встречаются два варианта убийства: при одном из них приговоренному протыкали колом грудь, при другом – острие кола входило в тело снизу, через анус. Казнь широко применялась в древности в странах Средиземноморья, в Мидии, в Карфагене. Известна она была и римлянам, хоть распространения в Древнем Риме не получила. Римляне предпочитали показательно казнить врагов и преступников на распятиях, которые имели самую разную форму. Зато в Византии, хоть она и считала себя законной преемницей Рима, посадение на кол было очень распространено. Так, мятежник Фома Славянин был посажен кесарем на кол в 823 году после того, как ему предварительно отрубили руки и ноги.

Смерть на колу была ужасно мучительной. Когда хотели продлить страдания приговоренного, на колу дополнительно устанавливали горизонтальную перекладину. Она не давала телу под его собственным весом сползать слишком низко, и гарантировала, что кол не дойдет до сердца и иных важнейших органов. Тогда смерть от потери крови наступала очень нескоро, через несколько дней. А при обычном

варианте казни жертвы корчились на колу по несколько часов. Вот описание мук такого несчастного на Востоке в стихах замечательного русского поэта-акмеиста Михаила Зенкевича, написанных в 1912 году:

... И при питье на сточную кору,
Наросшую из сукровицы, кала,
В разрыв кишок, в кровавую дыру,
Сочась вдоль по колу, вода стекала.
Два раза пел крикливый муэдзин
И медленно, как голова ребенка,
Все разрывая, лез осклизлый клин
И разрыхляла к сердцу путь воронка⁵.

Хорошо знали о посадении на кол и западноевропейцы, особенно северяне – англичане, викинги и их потомки. В Швеции XVII века его использовали для массовых казней мятежников в бывших датских провинциях на юге страны. Шведы предпочитали втыкать кол между позвоночником и кожей жертвы, предсмертная агония в таком случае могла длиться до пяти дней. Посаждение на кол до XVIII века применялось и на территории Речи Посполитой, особенно во время борьбы поляков с российским казачеством. На Руси подобную казнь ввел Иван Грозный, первый русский царь; скорее всего, он заимствовал ее у Османской империи. А в 1614 году в Москве на кол был посажен атаман донских казаков

⁵ Зенкевич М.А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994.

красавец Иван Заруцкий, один из вожаков казачества в эпоху Смуты. Казнили таким жутким образом и участников восстания Степана Разина.

Именно этим способом 15 марта 1718 года в двадцатиградусный мороз, на глазах сотен тысяч москвичей российский император Петр Великий расправился со Степаном Глебовым, любовником своей сосланной в монастырь жены Евдокии Лопухиной. Сын стольника и воеводы умер на Красной площади на колу через четырнадцать часов. Царь Петр проявил своеобразное монаршее милосердие: он приказал надеть на раздетого донага, измученного пытками Глебова шапку и тулуп – чтобы тот не скончался от холода раньше времени.

Впрочем, в Европе казнь на колу осталась – в большей степени – в анналах летописцев Средневековья. А в Южной Африке подобная казнь пользовалась немалой популярностью вплоть до двадцатого века. Зулусы казнили так своих воинов, проявивших трусость в битве, а также ведьм, чары которых угрожали правителю и его соплеменникам. В африканском варианте казни жертву ставили на четвереньки и забивали ей в задний проход несколько заостренных палок-пик длиной 30–40 сантиметров, после чего оставляли умирать в одиночестве.

В истории известны случаи, когда приговоренных к распятию на кресте снимали с него после внезапного помилования. В таком случае люди, израненные и измученные, выживали. Но спасти кого-либо после

того, как его посадили на кол, было категорически невозможно.

Глава 3

Сонька – царица воровского мира

На первой линии Ваганьковского кладбища в Москве стоит величественный полуразрушенный памятник. Он изображает устремленную вперед вопреки порывам ветра хрупкую женщину в золотых одеяниях под тремя ветками пальмы. Головы и рук у фигуры нет – они давно отлетели. Имени и фамилии усопшей или какой-либо посмертной надписи на цоколе тоже нет.

Зато лежат на граните пьедестала, несмотря на снег, многочисленные свежие цветы. В букеты и в керамические вазы с нежными хризантемами вложены записки. Написаны мелом и фломастерами послания на камнях рядом:

«Соня, дай фарту во всех начинаниях!», «Соня, помоги отдать долг!», «Соня, хочу удачи!...»

Памятник старый.

– В могиле покоится супруга какого-то богатого итальянца, который жил в России в начале двадцатого века, – ответили на мой вопрос о странном монументе в дирекции погоста. – Но «братва» верит, будто там похоронена Сонька Золотая Ручка. Дескать, памятник заказали в Милане и поставили в Москве коллеги воровки.

Зачем же так неуважительно и пренебрежительно: «во-

ровка»! В ее биографии далеко не все было столь вульгарно.

Сонька Золотая Ручка была в России истинной царицей воровского мира. Его живой легендой. Впрочем, все мифы и легенды имеют обыкновение начинаться, как правило, вполне буднично и порой даже банально.

Наша героиня родилась то ли в 1846, то ли в 1851 году в «штетле» – еврейском поселке – под названием Повонзки недалеко от Варшавы, входившей в состав Российской империи. Реббе нарек крикливую девочку Шейндлей-Сурой. Семья Соломониак (по другим версиям – Штендель) считалась зажиточной: папаша Лейб слыл парикмахером, но тайно занимался скупкой краденого. В доме постоянно крутились какие-то люди, приходили-уходили...

Шейндля и ее сестра Фейга с детства помимо русского и польского знали еще и идиш, а это, как известно, почти все равно что говорить по-немецки. «А идише мама», пани Соломониак, умерла, когда девочки были еще совсем маленькими. Лейб привел в дом новую спутницу, женщину строгую, но внимательную к детям и образованную. И опять беда: отец Лейб умирает от скоротечной болезни. Мачеха забирает Шейндлю с Фейгой (она тоже станет профессиональной воровкой) и увозит их с собой на свою «малую родину» – в Одессу.

Там-то и начинается для Шейндли настоящая карьера!

«Приметы следующие: 28 лет, росту 2 аршина, 2 вершка⁶, лицо худощавое, круглое, немного рябоватое, волосы на голове и бровях русые, глаза карие, нос умеренный, с широкими ноздрями, немного приплюснутый, в рябинах, рот обыкновенный, губы тонкие, на правой щеке бородавка».

Так описываются приметы молодой женщины в документе департамента полиции Министерства внутренних дел. Этот доклад относится к той поре, когда Шейндля-Сура уже находилась в розыске, но до этого у нее была тоже весьма интересная жизнь.

«А вот бразильская обезьяна Юлия Пастрана! Немец мудреный посадил в клетку и за деньги кажет, про нее историю расскажет! А его чудище в кринолиновой юбиче!» – объявлял трубным голосом «шпрех», ведущий циркового представления.

Заинтригованная московская публика замирала, дети в первых рядах в страхе прижимались к теплым бокам матерей, мужчины забывали о прохладном пиве в буфете... И тут из-за занавесей форганга появлялась она – единственная на свете, неповторимая.

После шумных гастролей по Европе в Россию приезжает Хулиа (Юлия) Пастрана, одиознейшая цирковая звезда мировой величины. Эта индианка из Мексики страдала гипертрихозом: ее лицо и тело, кроме ладоней и подошв, были полностью покрыты черными жесткими плотными волосами. Ее

⁶ Рост Соньки Золотой Ручки был 153 сантиметра.

уши и нос были необычайно большими, а зубы в опухших деснах – неровными, что делало ее похожей на гориллу. К тому же рост был совсем небольшим: 138 сантиметров.

В России эта суперзвезда «цирка уродов», прозванная «Женщиной-медведем», или «Леди Обезьяной», быстро сделалась чрезвычайно популярной. С Пастраной, говорившей на многих языках, подружился Александр Дюма-отец, путешествовавший от Санкт-Петербурга до Кавказа, об этой актрисе более чем оригинального жанра писали Лев Толстой, Аркадий Аверченко, Всеволод Крестовский... Неясно, какими извилистыми путями помощницей Пастраны во время ее триумфальных гастролей по России сумела стать Шейндля-Сура, совсем еще юная. Однако очевидно другое: тут-то для девушки двенадцати лет и началась ее школа жизни.

Юлия Пастрана, несмотря на всю ее необычность и полное отсутствие образования, отличалась живым умом и деловой хваткой. Она, грациозная, прекрасно поющая и танцующая, приучила свою маленькую помощницу к роскоши и привила ей любовь к авантюре. «Леди Обезьяна» была алчно любвеобильна и, несмотря на свое природное уродство, нравилась мужчинам. С молодых ногтей бороδοносица дала понять своей служанке, что главное в женщине не красота, а умение очаровывать представителей сильного пола. Именно Пастрана внушила воспитаннице, что в России разумнее носить русское имя, и Шейндля Лейбовна превратилась в Софию Ивановну...

Как заведено, мудрецы живут недолго.

«Женщина-медведь» забеременела и скончалась в Москве от полученной при неудачных родах инфекции. Но новоявленная София без дела не осталась. Главное, что она усвоила из уроков «Леди Обезьяны»: честность редко способствует укреплению любви и дружбы, а чтобы стать богатой, надо уметь обманывать, и прежде всего – мужчин. Воровство – вот единственный прямой путь к достатку.

Она научилась решительно преображаться. То аристократка с берегов Невы, то французская гувернантка, то сенная девушка из старого дворянского гнезда... Первой жертвой Соньки стал одесский коммерсант Исаак Розенбанд. Девушка стянула у него бумажник, да так нескладно, что оказалась тут же пойманной. Но до полиции дело не дошло. Авантюристка, вспомнив об уроках Пастраны, «включила» харизму и вместо тюремной камеры отправилась под венец. Розенбанд, тоже не очень чистый на руку, стал ее первым мужем. От этого брака появилась на свет первая дочь Соньки по имени Сура-Ривка.

Однако супружеская спокойная жизнь была уготована не для Соньки. Проявившись полтора года в роли матери семейства, неумная ученица мохнатой Пастраны пустилась во все тяжкие. Прикарманила из семейного бюджета Розенбандов пятьсот руб-лей и сбежала вместе с очередным любовником в Москву, а затем и в Санкт-Петербург.

Бархатные купе первого класса ей сразу понравились,

только надо было уметь выбирать хорошие места. Это значит, там, где путешествуют богатые мужчины. Сегодня Соньку назвали бы «клофелинщицей», а тогда подобные ей специалистки работали с опиумом или хлороформом.

Дебют Соньки на этом поприще состоялся в эшелоне Одесса-Москва. А началось все в одесском кафе Фанкони, где банкир Догмаров познакомился с некоей Софьей Сан-Донато. Она попросила разменять ей ценную бумагу в тысячу рублей на наличные. Слово за слово... Выяснилось, что элегантная дама отправляется вечерним поездом в Москву. Неожиданно обнаружилось, что и банкир должен срочно ехать в Белокаменную:

– Вдвоем веселее... Вы, надеюсь, не возражаете?

Естественно, что мадам Сан-Донато немного посомневалась в необходимости мужского сопровождения, но потом великодушно согласилась. Вдохновленный назревающим приключением ловелас явился на перрон с большой коробкой шоколадных конфет. В купе же прекрасная дама, откусив шоколадку, возжелала рюмку ликера. Догмаров услужливо поспешил в буфет за бенедиктином. За эту минуту Сонька успела шприцем ввести в шоколад снотворное. Вернувшийся с ликером на подносе банкир съел предложенный ему трюфель и сладко заснул. Когда пришел в себя, обнаружил, что след простыл и от соседки, и от его наличных денег и ценных бумаг общей суммой на 43 тысячи рублей.

Всех воровских «подвигов» Соньки и не перечислить!

Она гастролировала в поездах по всей стране: от Баку до Санкт-Петербурга. В 1866 году вынесла из вагона чемодан юнкера Михаила Горожанского, опрометчиво познакомившегося с обаятельной попутчицей. То ли организм молодого человека оказался слишком крепким, то ли Сонька, еще не набившая на впрыскивании дури руку, не так ввела в угощение снотворное, но юный офицер поднял шум, обнаружив пропажу. Явилась полиция. В полиции удивленная пассажирка едва не потеряла сознание от волнения, принялась клясться, что сама стала только что жертвой воров, чемодан же взяла по ошибке: он так похож на ее баул... В общем, Сонька проявила себя такой талантливой актрисой, что ей отпустили.

У этой истории забавный конец. Горожанский вскоре после инцидента в поезде оставит военную карьеру и успешно посвятит себя сцене. Станет актером Императорского Малого театра под артистическим именем Рашимов. Однажды на спектакль с его участием придет Сонька. Воровка пошлет после представления в ложу к бывшему юнкеру букет цветов, золотые часы и записку: «От первой учительницы».

«Если женщина к тридцати годам не красавица, значит – она полная дура», – утверждала Габриэль Коко Шанель. Сонька Золотая Ручка казалась мужчинам красавицей, не будучи таковой. Она притягивала мужской пол как магнит. Впрочем, ей было мало случайных связей и в конце концов захотелось семейной жизни, обыкновенного женского сча-

стья. В 1868 году Золотая Ручка выйдет замуж за престарелого богача Шелома Школьника. Он был чрезвычайно богат, а деньги – это такой сумасшедший соблазн! Вскоре после свадьбы, сыгранной по еврейскому обряду, Сонька обчистит нового мужа и исчезнет на российских просторах. Затем будут другие браки. Так, одним из мужей воровки и отцом ее новых дочерей – Таббу и Михайлины – станет профессиональный мошенник Михаил Блювштейн.

Именно под этой фамилией Сонька Золотая Ручка и войдет в историю криминалистики.

Аферы этой авантюристки хрестоматийны. Чего стоит только одна кража у ювелира Карла фон Меля, совершенная в 1883 году. Просто, изящно и достойно воплощения в плутовской кинокомедии итальянского образца! В бутик знаменитого ювелира обратилась некая Софья Андреевна, представившаяся супругой известного психиатра. Она попросила подобрать для нее бриллиантовые украшения. Остановила свой выбор на кольце, броши и колье работы парижских мастеров общей стоимостью в 30 тысяч рублей. При этом дама оставила визитку и объяснила, что деньгами в их семье заведует исключительно муж. Попросила ювелира принести покупки в дом, где, мол, и состоится конечный расчет.

Не подозревавший подвоха фон Мель явился в дом психиатра, где ювелира с драгоценностями любезно приняла «хозяйка», которая повела гостя в кабинет к врачу и попутно попросила разрешения примерить еще раз бриллианты в со-

седней комнате. Фон Мель галантно оставил драгоценности милой даме и уверенно шагнул в кабинет психиатра. Там же после того, как ювелир потребовал денег за бриллианты, его тут же скрутили санитары. Еще мгновение – и ничего не понимающий бижутье был благополучно доставлен в смиренной рубашке в психиатрическую клинику.

Только полдня спустя, когда обалдевший фон Мель пришел в себя после успокоительного укола, вскрылась правда. Выяснилось, что перед поездкой в ювелирный салон Сонька обратилась к психиатру с просьбой помочь ее страдающему неимоверной скупостью супругу, якобы помешавшемуся на золоте и драгоценных камнях. Врач, ничего не подозревая, назначил randevu с якобы свихнувшимся на профессиональной стезе ювелиром в своем кабинете. Когда же все участники этого «театра абсурда» поймут, что Софья Андреевна – никому не жена, а прожженная мошенница, будет уже поздно.

А вот и еще одна история из Сонькиных «бриллиантовых снов» наяву.

В 1885 году Софья Эдуардовна Буксгевден, курляндская баронесса, с малолетней дочерью и ее кормилицей, в сопровождении своего престарелого отца, зашла в ювелирный магазин Хлебникова в Москве. Баронесса попросила показать ей самые лучшие бриллианты. Приказчик тут же вынес алмазный гарнитур за 22 тысячи рублей. Баронессе Буксгевден он пришелся по вкусу. Однако, вот незадача: она забыла

портмоне у себя в гостиничном номере на камине... Забрав бриллианты, светская дама отправилась за деньгами, попросив благородного отца и трогательную кормилицу с малым ребенком обождать ее в магазине – в виде залога, так сказать.

Через два часа напрасного ожидания ювелиры заподозрили неладное и вызвали полицию. Выяснилось, что дитя было взято «напрокат» в трущобах Хитрова рынка, кормилицу же наняли по объявлению в вечерней газете. А роль престарелого отца остзейской баронессы и «предводителя балтийского дворянства» сыграл спившийся отставной штабс-ротмистр за чисто символическую мзду.

Что и говорить, любила бриллианты Сонька Золотая Ручка!

У нее был припасен сто один способ как украсть драгоценности. Прежде всего – в ювелирных магазинах. Она умела и прятать маленькие камушки под своими длинными ногтями, и использовала обувь, подошвы которой были смазаны смолой: уронили маленький бриллиантик – и поди найди его потом! Сонька носила специальную одежду со скрытыми карманами. Благодаря им она в 1869 году «обнесла» на 10 тысяч рублей ювелирный на Ришельевской улице в Одессе... Но фирменным ее изобретением был трюк с обезьянкой. Хвостатая макака-подельница врывалась в ювелирный магазин, нагло хватала с прилавков драгоценности или срывала их с женщин, заглатывала добычу и мгновенно исчезала в неизвестном направлении... Надо сказать, что такой спо-

соб кражи – наверное, это была дань памяти «Леди Обезьяне» – Сонька не слишком жаловала: ведь приходилось потом искать бриллианты в фекалиях.

Искусно работая с гримом, меняя наряды, парики и парфюмы, воровка не гнушалась и гостиничными кражами. Поселялась, скажем, на берегах Невы под видом состоятельной путешественницы и выбирала себе жертв среди мужчин-постояльцев.

Действовала по классическому сценарию. Дожидалась раннего утра, когда сон у клиентов, особенно подвыпивших накануне, наиболее крепкий, и, надев обувь на мягкой войлочной подошве, проникала в номер. Так однажды вынесла саквояж генерала Фролова с 240 тысячами рублей. Рисквала по-крупному, само собой... Однако на особый случай у Соньки был припасен целый вспомогательный сценарий. Перед тем, как отправиться на «дело», она выпивала стопку коньяку. Если же клиент просыпался и собирался поднимать тревогу, Золотая Ручка, как ни в чем ни бывало, принималась... раздеваться! С кем не бывает: нежная дама, от которой сладко несло «шустовским», вчера несколько перебрала, вот и ошиблась номером. И не поверить такой тонкой актрисе, как Золотая Ручка, было категорически невозможно.

Не брезговала Сонька и красть по дачам. Однажды вместе с очередным любовником-подельником Михаилом Бреннером залезла в дачу некогда состоятельного чиновника. Оказалось, он давно разорился, и вдова его, обремененная

детьми и долгами, едва тянула семейную лямку. Пять тысяч рублей ассигнациями, которые похитила на даче Золотая Ручка, оказались единственным накоплением женщины, сводившей концы с концами. Поняв, кого она обворовала, Сонька вернула вдове все деньги, добавив сверху еще и свои.

Легенда, скажете? Может быть. Но историй таких о царице воровского мира – тьма.

Как-то, проникнув в гостиничный номер, Сонька прочла ненароком лежавшие на столе письма. Постоялец – совсем еще юноша, крепко, по-мальчишески, спавший на кровати рядом, – извинялся перед работодателями, что потратил казенные деньги на лечение сестры. Там же была записка, где молодой человек извинялся перед родными, и пистолет... Сомнений не оставалось: постоялец, запутавшийся в финансовых дрязгах, собирался свести счеты с жизнью. Золотая Ручка положила рядом с оружием пятьсот рублей, только что вынесенных из соседнего номера, и ушла из гостиницы.

Красивый жест, ничего не скажешь! Но Соньке приходилось и подталкивать людей к самоубийству. И получалось это тоже театрально, непредсказуемо.

Вот, например, история с обманом Михаила Динкевича. Отставной начальник саратовской мужской гимназии, достойно отслужив во славу отечественного образования четверть века на периферии, решил вернуться в родную Москву. Для этого продал все имущество на Волге и начал искать в Белокаменной подходящий вариант недвижимости

для приобретения. Тут как тут оказалась Золотая Ручка, прослышавшая о большой сумме денег, привезенных бывшим наставником молодежи в Москву. Сонька нашла возможность познакомиться с Динкевичем и, представившись графиней, предложила ему купить по заманчивой цене ее особняк. Дескать, деловой женщине срочно нужны «живые деньги»... И показала роскошные хоромы, арендованные на два-три дня у московских богачей, отбывших на каникулы в Италию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.